

Всё-таки они были обычными старшеклассниками, и тема «парного совершенствования» вогнала их в дичайший конфуз.

Хотя до Гу Цинхуая у Луань Чэна вроде как был парень (если это можно так назвать), на деле он оставался чистым и неопытным. Бесстыдные шуточки Бай Ю привели к тому, что Луань даже заговорить с Гу нормально не мог.

В последний день экзаменов, после завтрака, они шли в школу друг за другом. Гу Цинхуай спросил:

— Ноги как, не болят после вчерашнего падения?

Луань Чэн сделал вид, что оглох, и только прибавил шаг.

Гу смотрел ему в спину, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Он знал, что Луань в таких вопросах парень стеснительный, но не представлял, как теперь разрядить обстановку.

Луаню было отчего смущаться: после слов Бай Ю он внезапно осознал, что в этой метафоре с артефактом он — та самая чаша! Чаша! Та самая, в которую... в общем, если бы он оставался спокойным, это было бы чудом.

Сев за парту и заметив улыбку Мин Юэ, Луань неловко почесал затылок.

На этот раз они снова сдавали экзамен в разных кабинетах, но Луань Чэн чувствовал себя гораздо увереннее. Благодаря занятиям с Гу и собственному упорству, он рассчитывал подняться в рейтинге еще на несколько строчек.

Бай Ю, как обычно, пристроил свой стульчик рядом с Луанем, но на этот раз за весь экзамен не проронил ни слова. В огромном классе стояла тишина, прерываемая лишь шелестом бумаги и тихим скрипом ручек.

В это же время в доме семьи Луань Чжао Юйфэнь замачивала клейкий рис и листья тростника — каждый год на Дуанью они сами лепили цзунцзы (рисовые треугольнички).

— Мам, когда будем лепить: сегодня вечером или завтра утром? — спросила она, отваривая бобы.

— Да когда угодно. Давай в обед, как раз Сяо Чэн и Сяо Чжэ приедут, напечем — и сразу за стол, — ответила бабушка. — Думаю, и Сяо Гу придет. Бедный ребенок, родителей толком нет, в праздник и пойти некуда. Зная Сяо Чэна, он его точно затащит к нам.

— Ну и пусть приходит, еды на всех хватит. Хороший мальчик, мне он сразу приглянулся. Будь у нас дочка, я бы его в зятя прочила — и собой хорош, и высокий, и учится блестяще.

«Дочки нет, но суть примерно та же», — подумала бабушка, выбирая соленые утиные яйца.

— Кстати, Луань Хао ведь сегодня вечером возвращается? — спросила старушка.

Она хотела поговорить с сыном после возвращения от Луаня, но тот уехал в командировку. Дела были такие, что по телефону не обсудишь, вот и пришлось ждать.

— Да, обещал на целых три дня остаться, — радостно подтвердила Чжао Юйфэнь.

Обычно Луань Хао сам забирал старшего сына после экзаменов, так как школа была далеко, но

в этот раз не успевал. Поэтому Луань Чэн поехал на автобусе... точнее, вдвоем.

Гу Цинхуай тащил огромный пакет с фруктами, а Луань — рюкзак с тазом, учебниками и черепашкой Сяо Людоу в руках.

Добравшись до своего района, Луань указал на искусственное озеро: — Сяо Людоу, хочешь там поплавать немножко?

Черепашка вытянула шею, посмотрела на воду и медленно шевельнула хвостиком.

Гу Цинхуай заметил: «Похоже, она и правда туда рвется».

В этот момент за спиной раздался крик: «Брат! Подожди меня!»

Луань Чэн обернулся — сзади пыхтел Луань Чжэ. Младший брат, не жалея сил, тащил на себе огромный рюкзак с учебниками и охапку постельного белья. К счастью, парень был рослым и крепким, иначе точно бы свалился по дороге.

— Ты чего одеяло только сейчас приволок? — удивился Луань Чэн. Это было то самое толстое зимнее одеяло. В такую жару под ним и до потницы недалеко.

— Да я же в прошлые выходные с пацанами в футбол ушел играть, не тащить же его с собой на поле? Вот и оставил в общежитии. Позапрошлую неделю тоже забыл. Если сейчас не принесу, мама мне плешь проест, так что пришлось брать, — Луань Чжэ кивнул в сторону Гу Цинхуая. — Брат, это твой одноклассник?

— Ага, мой сосед по парте, — голос Луань Чэна внезапно стал каким-то по-особенному легким. — Его зовут Гу Цинхуай. Он не местный, так что я затащил его к нам на праздник.

— А, это тот, который тебя в прошлый раз подвозил? — Луань Чжэ вспомнил. Этот парень был даже выше его брата. Он улыбнулся и протянул руку: — Привет, брат Гу! Я Луань Чжэ, зови меня просто Сяо Чжэ, как старший. Добро пожаловать к нам!

— Спасибо, — Гу Цинхуай в одной руке держал зонт, в другой пакет с фруктами, поэтому просто вежливо кивнул. Рядом с близкими Луань Чэна он старался быть мягче, на лице играла легкая улыбка, так что Сяо Чжэ не почувствовал в нем никакой холодности.

Бабушка тем временем то и дело выглядывала в окно. Увидев, как старший внук, младший внук и «старшая внучатая невестка» возвращаются вместе, она просияла: «Сяо Чэн! Сяо Чжэ! Сяо Гу!»

Только у Луань Чэна рука была свободна, чтобы помахать в ответ: «Бабушка!»

Старушка так и светилась от счастья: — Юйфэнь, доставай арбуз из холодильника да режь скорее, дети пришли!

Чжао Юйфэнь тут же вытащила утренний арбуз, нарезала его, а заодно вымыла виноград.

Вскоре ребята поднялись. Гу Цинхуай сложил зонт и, чувствуя себя немного неловко, поздоровался: — Здравствуйте, тетя. Здравствуйте, бабушка.

— Проходи, проходи, — засуетилась Чжао Юйфэнь. — Сяо Гу, в следующий раз не траться так на подарок, ладно? Будь у нас как дома.

— И я о том же, — поддакнула бабушка. — Как это вы вместе притопали?

— Да я прямо у ворот брата с Гу-гэ встретил, — Луань Чжэ бросил одеяло на диван и, даже не помыв руки, вцепился в арбуз. — Хорошо-то как дома!

— Ну ты и торопыга! — Луань Чэн легонько отвесил брату подзатыльник. — Иди руки мой!

— Ой, ну ладно, ладно, — прошамкал Сяо Чжэ с куском арбуза во рту. — Гу-гэ, а мой брат в школе такой же зануда?

— Нет, — Гу Цинхуай вымыл руки и принял от Луань Чэна персик. — Чаще всего занудствую я.

— Пх... кхм! — Луань Чжэ едва не подавился, выплевывая арбузные семечки. У него возникло странное чувство, будто его насильно накормили какой-то специфической «собачьей едой» (кит. сленг: наблюдение за проявлением любви пары). Вроде и не любовь в открытую, но почему пахнет именно так? Казалось, Гу Цинхуай изо всех сил выгораживает его брата. «Наверное, кажется», — решил он.

— Мам, а мясо свежее есть? — спросил Луань Чэн.

— Есть, а что?

— Хочу Сяо Людоу отрезать кусочек. Свинина или говядина, без разницы. Оно комнатной температуры?

— Да. Вы же с Сяо Чжэ любите цзунцзы с мясом, так что я купила грудинку и замариновала, а вырезка осталась на жаркое. Тебе сколько?

— Один ломтик.

Луань Чэн подождал на кухне, пока мать отрежет мясо. Глядя в преданные глазки черепашки, он сказал: — Сяо Людоу, скажи бабушке "спасибо".

Черепашка вильнула хвостиком. Чжао Юйфэнь рассмеялась: — Да что она понимает!

Луань Чэн положил мясо перед питомцем: — Мам, зря не веришь, она всё понимает. Сяо Людоу, это бабушка. Протяни ей правую лапку, покажи, что ты с ней знакома.

Черепашка вытянула правую лапку, задрала голову к Чжао Юйфэнь и замерла в такой позе.

Чжао Юйфэнь: «...»

Луань Чжэ ахнул: — Да ладно! Брат, она и правда тебя слушается?

Луань Чэн скомандовал черепашке: — А это дядя. Дай ему левую лапку.

Сяо Людоу вильнула хвостом, протянула левую лапу и только после этого принялась за мясо.

Луань Чжэ был в полном восторге — таких сообразительных черепах он еще не видел! Забыв про фрукты, он начал канючить у брата разрешения поиграть с ней. Сяо Людоу поначалу игнорировала «дядю», но когда тот пообещал купить ей вьюнов, она, не долго думая, переползла к нему на ладонь.

Луань Чэн, довольный тем, что за его «ребенком» присматривают, сел рядом с Гу Цинхуаем.

Они ели фрукты и болтали с бабушкой и мамой. Чжао Юйфэнь намеренно не спрашивала про экзамены. Она посмотрела на сына: — У вас в столовой повара сменились?

— А? Нет, мам, с чего ты взяла? — Луань Чэн растерялся.

— Да ты поправился заметно! Я думала, может кормить стали вкуснее. — Мать видела, что старший сын округлился, и это ей явно нравилось.

— Что в этом плохого? Старший внук стал еще краше! — засмеялась бабушка. — И Сяо Гу, кажется, немного мяском оброс, возмужал.

— Вот и славно, вместе и поправляйтесь. А то я боялась — учеба тяжелая, совсем исхудаете, — Чжао Юйфэнь вытерла руки. — После обеда будем лепить цзунцзы. Сяо Гу, ты с чем любишь?

— Мне любые нравятся, — вежливо ответил Гу.

— Он любит постные, — вставил Луань Чэн. — Но мясные тоже объединение. Ты пробовал когда-нибудь с мясом? — Луань легонько пнул Гу ногой под столом. — Честно, они нереально вкусные. Только у нас дома их вечно плохо завязывают, они иногда разваливаются при варке.

— Тогда я помогу тете их упаковать, — предложил Гу Цинхуай.

— Ну что ты, как можно! Гости работать не должны, — улыбнулась Чжао Юйфэнь. — Сиди и жди, скоро всё будет готово.

— Мам, если он умеет — пусть помогает, не стесняйся, — сказал Луань Чэн. — Давайте прямо сейчас и начнем.

Семья большая, нужно было слепить штук сорок. Мать решила, что вдвоем дело пойдет быстрее. Сначала она не хотела подпускать Гу к готовке, но когда он сделал первый цзунцзы, она ахнула: руки у парня были золотые. Его треугольнички были идеальной формы, рис нигде не высыпался, а узлы были такими тугими, что сразу было ясно — после варки это будет шедевр.

В итоге Луань Чэн и Гу Цинхуай сели друг напротив друга: Гу складывал листья, Луань ложкой насыпал рис и начинку, а Гу ловко запечатывал сверток. Чжао Юйфэнь, глядя на их слаженную работу, со спокойной совестью пошла заниматься другими делами. В этот момент она окончательно поняла смысл фразы «чужие дети всегда лучше». Она всегда считала своего сына самым-самым, но теперь видела, что есть парень еще более надежный и рукастый.

Слишком надежный.

Гу Цинхуай помогал Луань Чэну лепить почти два часа. Они сделали пятьдесят пять штук — понятное дело, что за один присест столько не съесть. Но Чжао Юйфэнь обожала всякие изделия из клейкого риса, поэтому решила часть заморозить, чтобы можно было достать и отварить пару штук, когда захочется.

— Пойдем в комнату, передохнешь, — Луань Чэн похлопал Гу Цинхуая по плечу.

— Сяо Гу, спасибо тебе огромное, выручил, — улыбнулась Чжао Юйфэнь. — Сяо Чэн, мама сегодня купила много мороженого. Возьми себе и Сяо Гу какое нравится. И еще я печенье испекла, оно на старом месте.

— Понял, мам. Мы пойдем, сверим ответы по тестам.

С тех пор как они вышли из школы, парни еще не сверяли результаты, но сейчас Луань Чэн сказал это просто к слову — ему просто хотелось побыть с Гу Цинхуаем наедине.

Бай Ю и Мин Юэ оказались весьма догадливыми и упорхнули в комнату к бабушке. Хань Чэндун молча просочился в ванную. Ему не нужно было справлять нужду, он зашел туда просто потому, что увидел на шторке для душа очень красивый пейзаж в стиле гохуа.

Луань Чэн зашел в комнату и закрыл дверь, плюхнувшись на кровать: — Моя берлога сильно отличается от твоей, да?

В прошлый раз они были здесь в спешке, и Гу Цинхуай не успел рассмотреть его комнату. Спальня, где сейчас жил Гу, не то чтобы была обставлена «под старину», но в ней чувствовалась какая-то не по годам серьезная тяжеловесность: книжные шкафы с древними трактатами, причудливые камни, резьба по дереву. А здесь — мячи всех калибров, гитара, комиксы, сборные модели.

— Довольно уютно, — Гу Цинхуай указал на гитару. — Сыграешь что-нибудь?

— Ладно. Что хочешь услышать?

— «Просто люблю тебя» (Just Love You), — сказал Гу Цинхуай, глядя прямо на Луань Чэна.

— Не умею, — сердце Луаня предательски екнуло. — Давай другую.

— «Ты, мой сосед по парте» (You Who Sat Next To Me).

— Тоже не знаю... — Луань Чэн готов был взвыть от досады.

— Ну а что ты тогда умеешь?

— Я только «Детство» (Childhood) могу!

— Тогда зачем спрашивал, что я хочу услышать?! — рассмеялся Гу.

— Ну, я думал, вдруг ты случайно назовешь именно её! — Луань Чэн смутился от его смеха и притворно рассердился: — Радуйся тому, что дают!

Он настроил инструмент и начал негромко напевать, перебирая струны: «На баньяне у пруда цикады поют о лете...»

— Слушай, сосед, те две песни, что ты назвал... Кроме «Соседа», какая была вторая?

— «Просто люблю тебя».

— «Просто люблю тебя», «Ты, мой сосед по парте», — машинально повторил Луань Чэн.

— Угу, — Гу Цинхуай с нежностью смотрел на него. — Просто люблю тебя, тебя — моего соседа по парте, тебя — такого чертовски недогадливого.

Луань Чэн: «...»

<http://bllate.org/book/16943/1578861>